

Торн Бэй

Время Неба

Тори Ру Время неба

<https://litres.ru/74214854>

Аннотация

Погрызнув в повседневности, я не замечала, как медленно, по капле утекает время, пока однажды не обнаружила себя в пустоте — ни друзей, ни карьеры, ни семьи. Но жизнь щедра на сюрпризы. Только вот человек, оказавшийся рядом в трудную минуту, совершенно не подходит мне.

Книга издана в бумажном варианте

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	29
Глава 8	36
Глава 9	42
Глава 10	50
Глава 11	59
Глава 12	69
Глава 13	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1

Дождь барабанит по подоконникам, стекает по запотевшим стеклам, с шипением растворяется в мутных ручьях под колесами ползущих по городской улице автомобилей и исчезает в решетках ливневок.

Я стою у открытой рамы, морщусь, глотая остывший кофе, затягиваюсь тошнотворным дымом отсыревшей сигареты и наблюдаю за разноцветными грибами зонтов, плывущими к остановке.

Через полчаса я присоединюсь к веренице невыспавшихся обывателей — обреченно поскачу через лужи к автобусу, сшибая плечами нерасторопных попутчиков, прорвусь в его теплое нутро и займу место у окна. Чтобы, добравшись до пункта назначения, разделить с коллегами участь офисного планктона.

Посторонние руки обвивают талию, и я вздрагиваю от неожиданности.

— Майка, заканчивай с пагубными привычками! Мы опаздываем! — раздается за спиной, по обонянию бьет тяжелый запах перегара.

К горлу подступает кислятина, в голове пустотой отдается похмелье, но я широко улыбаюсь:

— Олег, ты поезжай. А я на автобусе! — Оглядываюсь и

не даю ему возможности возразить: — Нам только слухов не хватало! Натали и так готова сожрать меня за любую провинность.

В глубине души я страстно желаю, чтобы он продолжил настаивать на совместной поездке в такси — тогда нам придется одновременно показаться в офисе, вызвав шлейф пересудов, и хотя бы частично рассекретиться, но Олег быстро убирает руки и отступает в глубину сумрачной комнаты:

— Как хочешь... Мое дело предложить.

— Да, пожалуй, так будет лучше.

Закрываюсь в ванной и с раздражением слушаю, как Олег хозяйничает на моей кухне — гремит посудой, глотает кофе, чавкает, подвыывает голосу Фредди Меркьюри, доносящемуся из охрипших динамиков старого радио и учиняет полнейший беспорядок.

Меня бесят крошки и немытые чашки, которые он вечно оставляет на столе, его опухший заспанный вид по утрам, навязчивый горький парфюм, наигранный оптимизм и одышка...

— Я пойду! — наконец сообщает он из прихожей, и я вздыхаю.

— Увидимся!

Щелкает дверной замок, повисает долгожданная тишина.

Умываюсь холодной водой и долго разглядываю бледное лицо в заляпанном мыльными разводами зеркале.

Большую часть времени мне абсолютно наплевать на су-

щество, которое изо дня в день пялится из потустороннего мира, лишь подмечаю устало, что уголки его губ слегка опустились, кожа потускнела, а прозрачные глаза стали мутными и безразличными...

Все просто — мне уже тридцать два. Наедине с собой я не думаю об этих абсурдных цифрах, но мама, очередные добродетели в лице того же Олега или не в меру любопытных коллег, дата рождения в документах и даже проклятое зеркало все равно навязчиво напоминают о них.

Я отвожу взгляд. Идиотизм какой-то.

А я не заметила, как где-то в суете затерялись и исчезли неунывающие приятели, светлые мечты, надежда на большую любовь, крепкую семью, ребенка... Растворились, утекли сквозь пальцы последние десять лет моей жизни.

Все, что у меня есть сейчас, — тесная однушка в спальном районе, оставшаяся от умершей бабули, нелюбимая работа в офисе на другом конце города и Олег — мой непосредственный босс, с которым нас связывают совместные походы в бары и поездки ко мне по окончании «культурной программы».

Похмелье отзывается дрожью в пальцах.

Я клятвенно обещала себе, что не стану брать трубку, когда он в очередной раз позвонит вне работы, но ночи — страшное, беспощадное время суток, время бессонницы и ненужных навязчивых мыслей — переживать в одиночестве очень сложно. И я по первому зову еду в клуб, где Олег ждет

меня с банкой холодного пива и кривой улыбочкой, и все начинается по новой.

Всплеск, ледяная вода обжигает щеки, я закрываю кран, выхожу и выключаю за собой свет.

Глава 2

Стремительно занимаю пустое сиденье на задней площадке автобуса и буквально прирастаю к нему — мне предстоит еще полчаса дремать в переполненном салоне, борясь с последствиями бурно проведенного вечера и ночи. Прячу мокрый зонт в пакет, разматываю наушники, затыкаю ими уши и отключаюсь от внешних раздражителей.

Под аккомпанемент любимой музыки смотрю на унылые картинки, проплывающие снаружи, веки тяжелеют, озноб постепенно отпускает. Но в размеренный медляк «Слип» вклиниваются отрывистые посторонние звуки.

Моргаю, озираюсь и нахожу их источник — агрессивно настроенные пенсионерки орут на попавшего под раздачу неудачника, внося разнообразие в рутину затянувшейся поездки. Остальные пассажиры увлеченно наблюдают за склокой.

Лишь на средней площадке, олицетворяя собой весь пофигизм этого мира, в окно безучастно уставился мальчишка в наушниках и черной толстовке с капюшоном.

Сонный взгляд задерживается на нем, и в душе вдруг оживают воспоминания о несбывшемся, мечты и планы, срок которых давно истек.

Он похож на моих утраченных приятелей — на всех сразу. На приятелей, что почти пятнадцать лет назад носили на

плече рюкзаки с цепями и значками и думали, что им под силу перевернуть реальность.

Но она поглотила их — в угаре тусовок пролетели школьные дни, окончилась студенческая жизнь, одна за другой отгремели веселые свадьбы... Кто-то уехал в другую страну, кто-то сгинул в алкогольном дурмане, кто-то располнел, надел галстук, ездит на ненавистную работу в офис и при редких встречах стыдливо прячет глаза, а у иных все хорошо — семья, быт, подрастают дети.

Только я все еще ношу нелепые кеды, джинсы и подростковые худи и никак не могу въехать в абсурд, происходящий вокруг.

Мои ровесники давно стали взрослыми. Тогда... кто же я?

Мальчишка отмирает, поправляет рюкзак с белой буквой «А» в полустертом круге и хватается за поручень, продираясь к выходу.

Замечаю разбитые костяшки, рельеф вен на загорелом предплечье чуть ниже закатанного рукава, хмурый взгляд темных глаз из-под челки, устремленный прямо на меня.

Он смотрит на меня.

Я дергаюсь, отворачиваюсь и заливаюсь позорным румянцем.

Черт бы побрал эту глупую привычку пялиться на молодых парней, разглядывать их, отрешившись от возраста, установок, обязательств, отпустив на свободу мысли.

Извращенка. Иди объясни ему теперь, что не имела в виду

ничего такого, что так ты ненадолго возвращаешься к себе настоящей, затерявшейся в пене дней и лет девочке, что умела искренне смеяться и хотела любить всей огромной душой.

Механический голос объявляет название остановки, и парнишка шагает к дверям.

Тайком разглядываю потертую «Анархию» на рюкзаке, пылающие, покрывшиеся пунцовыми пятнами щеки парня и злорадно улыбаюсь.

Оказывается, я все еще могу кого-то смутить.

Глава 3

В офисе витает дух растворимого кофе и подвальной сырости, унылые коллеги встречают меня сдержанными кивками и тут же теряют всякий интерес.

Натали, смерив презрительным взглядом мой прикид, демонстративно смотрит на часы и поджимает в досаде губы — я пришла за пять минут до начала рабочего дня и причин для выговора нет.

Я не слишком почитаю здешний дресс-код, не умею подстраиваться под обстоятельства, держать нос по ветру и заводить полезных друзей, наверное, поэтому за десять лет так и осталась рядовым сотрудником и менеджер Наталья Феликсовна меня просто не выносит.

Олег, пришедший на полчаса раньше, уже отлично создает видимость работы — что-то орет в телефон, комкает бумажки, вертится на стуле, и тот жалобно скрипит.

От взгляда не ускользает занятная сценка — Натали наклоняется к стопке отчетов, с грацией дикой кошки выпячивает обтянутую гипюром задницу, а Олег пялится на нее, словно загипнотизированный, и утирает пот со лба.

Увидев, что я заметила, он расплывается в улыбке и заговорщицки мне подмигивает.

Здравый смысл молотком стучит по темечку: нужно завязывать. Хватит напиваться в середине рабочей недели, хва-

тит приводить домой кого попало, чтобы потом не слишком правдоподобно стонать под его грузной тушей, изображая вовлеченность в процесс.

В этот момент я в очередной раз осознаю, насколько никчемной являюсь — в приступе самобичевания втискиваю замерзшие пальцы в узкие туфли на шпильке, стягиваю худи и повыше поднимаю рукава блузки.

Приди, работа. Сегодня я, как всегда, собираюсь вкалывать до потери сознания.

Дождь прекратился, полосы синих туч расплзлись по красному закатному небу, запоздалые капли срываются с листьев окруживших офисное здание тополей.

Затянувшись напоследок, бросаю окурок в урну у входа, кисло улыбаюсь незнакомке — задержавшейся сверхурочно подруге по несчастью — и уверенно шагаю прочь.

Хотя идти мне в общем-то некуда.

Май окончательно вступил в права — тенью ошивается в подворотнях, исподтишка творит свое неведомое волшебство, кружит голову и быстро уходит прочь одиноким прохожим с рюкзаком за спиной.

Я брожу по глянцевым улицам, потеряв счет времени, подмечаю незначительные мелочи, полутона, звуки, а томление, ожившее еще утром, уже не вмещается в душу, сдавливает горло, вызывает слезы, гонит в неизвестность.

Пахнет грибами, хвоей, озоном и гарью, в стремлении вы-

гнать из легких остатки сигаретного дыма я глубоко вдыхаю сырой теплый воздух.

Стая шумных детишек выбегает из сумерек и бросается врассыпную, удирая от встревоженных пап и мам, зачинщица — маленькая девочка с огромным бантом — в шаге от меня спотыкается о невидимый камень.

Вздрагиваю, подаюсь вперед и ловлю ее за доли секунды до падения на асфальт. И ощущаю чистое блаженство — нежное уютное тепло маленькой ладони в своей вечно пустой руке... Быстро разжимаю пальцы, растерянно улыбаюсь и под слова благодарности запыхавшихся родителей поспешно ухожу.

Молодежь с разноцветными патлами заняла любимую скамейку на площади у ТРЦ; тихонько присаживаюсь на гранит ограждения спящего фонтана и наблюдаю из темноты, как парни и девушки без забот и проблем смеются, шутят, обнимают друг друга, целуются и ссорятся, но в воздухе все равно витает любовь.

Потертый знак «анархии» на рюкзаке одного из присутствующих мальчишек, мелькнувший в голубоватом свете фонарей, заставляет прищуриться.

Так и есть — паренек из автобуса. На миг задерживаю дыхание и смотрю во все глаза — кажется, я становлюсь свидетелем его личной драмы.

— Пошел ты! — визжит рыжеволосая девочка в чем-то бесформенном и черном, вскакивает, с размаху отвешивает

ему звонкую оплеуху и гордо удаляется в ночь.

Парень, признавая полное поражение, откидывается на деревянную спинку скамейки, трет щеку, огрызается, а его дружки дико гогочут.

Глава 4

— Майя, ты сменила свои кошмарные шторы на те, что я передала?.. Олег как? Надеюсь, он еще от тебя не сбежал?! — Разговор с мамой за полтора часа стал изнуряющим, но все, что я могу, вклиниваться в бесконечный словесный поток односложными ответами: «Да... да... нет...», которые, впрочем, никак не влияют на ход ее мыслей.

Слава богу, поселок, где последние десять лет обретается мама, слишком далеко, и она не станет срываться оттуда в разгар дачного сезона.

Желаю ей спокойной ночи, отключаюсь и тяжело вздыхаю. На сегодня повинность отбыта.

Порция разжижающих мозг сериалов, пять приконченных на балконе сигарет и перманентное желание завывать в голос — так проходит остаток вечера.

По первому зову утреннего будильника ползу в ванную, до упора выкручиваю кран, и лицо ломит от мертвых прикосновений ледяной воды. Давлюсь на кухне горьким кофе, влезаю в джинсы и свитер, тушу окурок, вываливаюсь в подъезд... За спиной щелкает замок, палец давит на оранжевую расплавленную кнопку, из недр шахты ко мне со вздохом устремляется кабина лифта.

Доведенный до автоматизма ритуал соблюден, сегодняшний день, как и тысячи ему предшествовавших, тоже прой-

дет без происшествий.

Опередив сонную толпу, вбегаю в загазованный салон пока еще пустого автобуса и плюхаюсь на любимое сиденье, предвкушая полчаса дремы и созерцания давно опостылевших видов, но кто-то не менее проворный падает рядом и бесцеремонно оттесняет меня к самому окну.

В груди волной вскипает возмущение, однако скандал я никогда не затею — не приучена. Лишь искоса смотрю на придурка и мысленно матерюсь, желая ему непреходящей диареи. Взгляд застревает на белой «анархии», украшающей потертый рюкзак, что притулился на коленях наглого попутчика, сердце ухает вниз и замирает.

Не успеваю загнать мысли в рамки приличий, нехило пугаюсь своей реакции, щеки горят от стыда.

«Расслабься, он не может влезть в твою голову!» — уговариваю себя, ковыряя заусенец.

Мальчишка не знает, что сегодня ночью, вместо того чтобы по обыкновению копаться в прошлых неудачах и провалах, я почему-то думала о его злом лице с красным следом от пощечины.

За что его так? Интересно, насколько серьезными были их отношения с той девочкой? Интересно, а какой он...

Кажется, в отрезвляющей оплеухе нуждаюсь именно я.

Пытаюсь отодвинуться, но простор для маневра отсутствует — в плечо больно врезается обшитая пластиком пе-

регородка.

Весь путь до нужной остановки я не могу дышать, заливаюсь жаром и паникую, как малолетка, но парень, кажется, чувствует себя вполне комфортно — извлекает из кармана телефон, сует в уши наушники и спокойно продолжает ехать рядом. Прислушавшись, узнаю шепот в динамиках — любимые песни моей юности, внезапно ставшие нестареющей классикой.

Сквозь ватное тело проходит ток — мы прижаты друг к другу плечами и бедрами, но нахал, разделяющий мои музыкальные пристрастия, не отодвигается. Я почти уверена — он проделывает это специально, в насмешку надо мной или из-за отсутствия воспитания. Или же он — просто жалкий извращенец. Такой же, как и я.

Кружится голова, за пыльным окном вместо улиц провинциального города проплывает космос, в нем нет никого, кроме нас...

Я буквально заставляю себя думать о маминых шторах, испортивших весь вид в гостиной, о завалах на работе, о потных ладонях Олега, о Натали в ярко-красном мини, о своем возрасте, но морок не отпускает. В попытке прикончить его на корню открываю пересохший рот, чтобы все же сделать парню замечание, и тут же натыкаюсь на его опешившие темные глаза слишком близко.

Его лицо вспыхивает, а я в ужасе отворачиваюсь.

Глава 5

Всю неделю мы вместе ездим на семичасовом автобусе — парень так и ошивается поблизости, при любом удобном случае занимая соседнее сиденье и прилипая ко мне, даже если ехать остается пару остановок.

Иногда он с кем-то увлеченно переписывается, иногда читает записи в мятой ученической тетрадке, но чаще всего просто сидит, упираясь плечом в мое плечо и глубоко дышит, выталкивая меня из равновесия в пучину ужаса и ликования.

Эту абсурдную, неправильную, дурацкую ситуацию давно пора прекратить, но я не нахожу в себе силы воли.

Теперь с наступлением утра я выпутываюсь из одеяла, подвожу глаза и лечу на улицу по веской, но совершенно идиотской причине — ради получасовой поездки рядом с молодым парнем, в наушниках которого играют мои любимые песни, а еле слышный запах парфюма и приятное тепло обжигают сердце.

За это время я умудрилась с ног до головы ощупать его быстрыми цепкими взглядами и дать волю фантазии.

Он красивый, высокий и стройный, хмурый и нервный, но с озорным бесом в глазах. Спустя пару лет и предательства в исполнении ближних он тоже научится предавать, проходиться по чужой душе бритвой, оставляя на память о себе

незаживающие саднящие порезы. А может, этот мальчик уже давно все о себе понял — тогда и оплеуха от девочки была заслуженной.

Он никогда раньше не ездил этим маршрутом по утрам — видимо, недавно переехал в мой район.

Плохие новости — парень учится в колледже, так как выходит на одноименной остановке. Это значит, что ему не больше девятнадцати. А мне...

Честно пытаюсь работать над собой — гоню прочь невнятные мысли, до изнеможения воюю с отчетностью, курю одну за одной и пристально рассматриваю Олега во время обеденных перерывов. Я выискиваю в нем положительные качества и даже признаю, что тот не без харизмы и мог бы стать хорошей партией, если бы захотел. И если бы мое сердце протестовало не так яростно.

Дома часами умучиваю беговую дорожку, медитирую, сидя в позе лотоса на давно не чищенном половике в гостиной, до посинения лежу в ванне, но все без толку — мальчишка вдруг стал для меня божеством. Теперь вопреки всему во мне крепнет вера, что день пройдет без эпичных провалов и неудач только при условии, что утром он усядется рядом.

С досадой и недоумением узнаю это невесомое, давно забытое чувство.

Чувство влюбленности...

Черт бы его побрал.

Дольше обычного задерживаюсь у зеркала и с удовлетво-

рением отмечаю, что выгляжу совсем неплохо — голубые глаза лихорадочно сияют, сквозь кожу пробивается смущенный румянец, удивленная улыбка трогает губы.

Я сошла с ума. Я просто из него выжила.

В раскрытые фрамуги врывается майский ветер с ароматами черемухи и сирени, с площади долетают звуки репетиции Парада Победы, а в офисе кипит бесполезная возня, именуемая работой, — шумят принтеры, шуршит бумага, стучат клавиатуры, щелкают мышки.

Ненадолго привлекаю внимание коллег — я сегодня влезла в платье. Плевать, что сквозь тонкий голубой шифон видна татуировка на левой лопатке, нарушающая дресс-код. А еще я снова не опоздала, лишив менеджера возможно единственной радости в жизни.

Нажимаю кнопку на системнике, открываю электронные таблицы, прилежно вношу в них данные, но не могу сосредоточиться — вереницы черных цифр расплываются, пульс то затухает, то взвивается до запредельных высот.

Час назад в автобусе я выронила проездной. Он выпал из кармана потертой джинсовки в момент, когда я ломилась к любимому месту в хвосте, и приземлился возле пыльных кедов кого-то из пассажиров. Чертыхаясь, я почти на четвереньках ринулась за ним, но вместо холодного пластика вцепилась в чьи-то теплые пальцы, резко выпрямилась и уставилась на того, кто его поднял.

Кривая улыбочка напротив вполне могла бы сойти за смущенную, если бы в наглom взгляде черных глаз не читался вызов. Задохнувшись, я выхватила злосчастный проездной и отступила в толпу.

Он все понимает...

И про себя, и про меня.

Трясу головой, закрываю глаза и вздыхаю — одиночество и мамины лекции о бессцельности моего существования довели бы до ручки любого.

Забираю из тумбочки толстую стопку документов, поднимаюсь со стула и, натыкаясь на мебель и сшибая углы, спешу к ксероксу.

— Майя Станиславовна, вы нетрезвы или влюбились? — язвит Натали.

Олег находит ее шутку забавной и на правах зама присоединяется:

— Счастливчик присутствует в этом офисе? — Он подмигивает и ржет так, что звенят ложки в чашках с остывшим кофе на столах рядовых сотрудников.

— Не льсти себе! — тихо шепчу и морщусь, потому что громоподобный хохот отвлек меня от одной крайне важной вещи — придумывания выхода из невозможной ситуации, когда мальчишка со мной все же заговорит.

Глава 6

К огромному удивлению коллег, я не остаюсь сверхурочно — собираю манатки и втискиваюсь в лифт сразу по окончании рабочего дня. Проскальзываю мимо офигевшего Олега, локтями расталкиваю медлительных людей в дверях выхода и, включив форсаж, бегу через аллею к сверкающему огнями торговому центру.

Битый час брожу по магазинам с одеждой, подивившись ценникам в бутике с парфюмерией и косметикой, в котором не была сто лет, все же покупаю несколько масок для лица, духи и крем, выбираюсь на воздух и долго гуляю по благоухающему, влюбленному в весну городу.

Лет пятнадцать назад в эти майские дни я, начитавшись «Мастера и Маргариты», точно так же блуждала по улицам, и неясное томление сдавливало грудь.

Я искала и искала кого-то, всей душой ждала чуда, высматривала тайные знаки... да вот только меня никто не искал.

Останавливаюсь у разлапистой голубой ели, нашариваю в боковом кармане сигаретки, щелкаю зажигалкой и с наслаждением затягиваюсь.

Сломавшийся мозг перебирает варианты.

Можно спросить у мальчишки, который час. Или снова уронить ему под ноги проездной, но на сей раз не убежать, а

поинтересоваться, что ему нужно...

— Майя! Колесникова! А я все думаю, ты не ты!..

Вздрагиваю и прищуриваюсь, возвращаюсь в реальность и растерянно наблюдаю, как ко мне решительно направляется толстая грозная тетка в цветастой тунике и лосинах.

— Ты вообще не изменилась! — радостно сообщает она, уставившись на мою грудь.

— Вы... ты... тоже, — бубню, силясь распознать в незнакомке кого-то, кого должна знать.

И обухом на голову обрушивается осознание. Эта ужасная пожилая нелепая тетка — одноклассница Олечка Снегирева...

— Привет! — вопит она и сгребает мое худое тело в охапку. — Ну, давай, рассказывай, как оно? Как жизнь?!

Мы никогда не были подругами или приятельницами, да какой там — даже толком не разговаривали. Были на разных звеньях пищевой цепочки.

Отстраняюсь и пожимаю плечами:

— Все нормально. Работаю вот... — натянуто улыбаюсь, но Олечка, кажется, не слышит.

— Муж, дети? У меня четверо! Старшей шестнадцать, уже под венец собралась! Беременная!

Я рефлекторно отступаю еще на шаг.

Как такое может быть? Я до сих пор по инерции ощущаю себя молодой девушкой, а моя ровесница превратилась в бесформенное нечто с сединой и морщинами и вот-вот ста-

нет бабушкой...

Из дрожащих пальцев выпадает тонкая сигарета, я судорожно соображаю.

Ну да, Олечка вышла замуж сразу после девятого, об этом вскользь упоминали на встрече одноклассников через несколько лет. Но я тогда училась в самом лучшем университете города и тусовалась с самым красивым и безбашенным мальчиком, моталась на рок-фесты и мечтала совсем о другом. Плевать я хотела на какую-то Олечку.

— Нет, я не замужем! — моргаю, фокусируясь на ее одутловатой физиономии. — Детей нет.

— Ну, Майя, как же так! — разочарованно тянет Оля, и ее интерес к моей персоне мгновенно сдувается. — Пора! Давно пора! Меня семь лет назад уже называли старородящей. Чего тянешь? Будет зайка — будет и лужайка. Кстати, Маша Ерохина недавно тебя в «Метелице» с шикарным мужиком видела. Вот от него и рожай!

Оля кивает и с чувством выполненного долга отваливает, а я опускаюсь на прохладные доски скамейки, достаю влажную салфетку, нервно комкаю в ладони и не могу надышаться — ее беспардонность пришлась кулаком прямо под дых.

Болезненная тяжелая правда в обличье стареющей одноклассницы настигла меня в самый неподходящий момент, и я пропустила удар.

А идея догнать ее и наговорить в ответ сомнительных комплиментов приходит в голову только сейчас, когда она, виль-

нув тяжелым задом, скрывается за углом.

Тихонько, будто боясь разбудить тишину, открываю ключом замок, раздуваюсь и, не включая свет, прохожу в пустоту квартиры. По пути избавляюсь от сумки с косметикой — стыдливо засовываю ее в глубины шкафа. В висках стучит, досада теснится в глотке.

Какая же я дура. Ненормальная, жалкая, старая ущербная дура.

Валюсь лицом в подушки и зажимаюсь, ощущая острейшее желание умереть, но вездесущая мама устраивает ежевечернюю проверку — «посадила цветочки, сходила в баньку» — и вот теперь настойчиво звонит.

— Майя, ты поужинала? Одеваешься по погоде? Когда представишь нас, может, на праздники? Приезжайте, нужно теплицу установить... — тараторит она, и я прикрываю глаза ладонью.

Отношения с мамой не ладятся с самого детства. Я умалчиваю, рассказываю полуправду, съезжаю с ответов или неприкрыто вру — все ради того, чтобы она притупляла бдительность, ослабляла опеку и хоть иногда давала дышать.

Однажды, просев под ее напором, я проболталась о наличии в моей никчемной жизни Олега. С тех пор наше общение состоит из разговоров о мифическом женихе — идеальном, выдуманном для отвода глаз персонаже.

— Хорошо, мам. Посмотрим. Возможно. Да... — Влеко-

мая безудержным словесным потоком, я тяжело вздыхаю.

И чувствую себя мерзко.

Возможно, было бы легче, если бы утром нахальный мальчишка ехал рядом.

Просыпаюсь в дурном расположении духа — словно в насмешку, в окне сияет золотое солнце, в ветвях чирикают птички, день обещает быть жарким и плодотворным.

Скрипя зубами, выпутываюсь из одеяла, тащусь в душ, встаю под холодную воду, и ледяные струи, как иглы, пронзают кожу. Даю себе установку терпеть до последнего, но выпрыгиваю из ванны через пару секунд, тут же укутываюсь в спасительное махровое полотенце и замираю у зеркала.

Из него на меня пялится посиневшее растрепанное нечто.

С обидой и пристрастием изучаю свое отражение, и вздох величайшего облегчения вырывается из легких. Острые скулы, длинная шея, ключицы, плечи, талия, плоский живот... Ни капли жира.

До Олечки мне все же далеко.

Наверное, всему виной хорошая наследственность — мама шикарно выглядит, да и папа был стройным и не имел ни единого седого волоса, правда, за пару месяцев сгорел от рака, немного не дотянув до пятидесяти.

А еще я до одури люблю изнурять себя физическими упражнениями — то, что доктор прописал, когда нужно выгнать туман из головы.

Влезаю в джинсы и топ, набрасываю пиджак и, словно опасаясь осуждения стен, вытягиваю за лямку вчерашнюю сумку. Распаковываю новые духи и щедро наношу на запястья и мочки — все, я готова взглянуть в наглые черные глаза и не спасовать.

Утренний город, как покрывалом, накрывает духотой, ароматами цветения, шумом моторов и хриплыми гудками клаксонов.

Сердце рвется к голубым незамутненным небесам, трепещет в предчувствии встречи с мальчишкой-попутчиком, адреналин растекается по венам — приятное волнение уже оформилось в привычку.

Срезаю путь через дворы, спешу к остановке, но бдительное лицо Оли с каскадом трясущихся подбородков кадром из фильма ужасов встает перед глазами.

«Моей дочке шестнадцать!» — гудит ее голос, я спотыкаюсь и замираю как вкопанная.

Хватит. Негоже... Включи уже голову, ненормальная!..

Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и шагаю к маршрутке.

Досада жжет глаза и размывает картинку, но решимость растет.

Зачем рисковать, втягивать в неприятности того, кто явно к ним не готов, если я даже за себя постоять не могу?!

Придется добираться с пересадками, долго и нудно, воз-

можно, я опоздаю, зато раздолбай в черной толстовке больше ни за что меня не достанет.

Глава 7

«...Кладбище самолетов, я никогда не стану частью больших историй, и пусть...»[1] — голос любимого в прошлом певца доносится из окна проезжающего авто и растворяется в воздухе, а меня снедает ностальгия и грусть. Облокотившись на подоконник, выдыхаю в черное небо серебристый дым, провожаю взглядом нескончаемые вереницы красных и белых огней внизу, снова затягиваюсь и пробую не расплакаться.

Поганый день почти окончен, гадливое мерзкое послевкусие все еще горчит во рту, но я держусь — закусываю губу, старательно разминаю окурочек в пепельнице, сплевываю вниз и покидаю балкон.

Примета сработала как часы — без теплого плеча мальчишки из утреннего автобуса на меня обрушились все неприятности вселенной: опоздание на двадцать минут из-за пробки, случившейся на пути следования маршрутки, хищная радость в глазах Натали и ее язвительные нравоучения, объяснительная и лишение премии...

«Безответственность, некомпетентность, отсутствие дисциплины — это все о вас! Майя Станиславовна, как вы вообще планируете в дальнейшем работать в нашей компании? Подобными проступками вы позорите весь коллектив!»

Во время экзекуции я внимательно разглядывала носки

лаковых туфель и считала в уме до ста, а коллеги, как водится, тяжело вздыхали — не то осуждая, не то сочувствуя, и не смели поднять глаза. Зато Олег, откинувшись на спинку стула, с жаром поддакивал Натали.

— Майка, извини. Сама понимаешь — нам нельзя светиться! — после инцидента внушал он в курилке и воровато озирался, готовый в любую секунду отпрыгнуть подальше. — Да успокойся ты. Все знают, что она точит на тебя зуб. Подожди, скоро я ее спихну, и тогда...

— Я знаю! Все нормально... — как китайский болванчик кивала я, отвернувшись к форточке и жадно затягиваясь. — Проехали, Олег...

Когда-то я была круглой отличницей, примером для всех в школе, потом стала лучшей студенткой на факультете, а к тридцати двум годам... превратилась в ничтожество. Бесплезное, никому не нужное ничтожество с кашей вместо мозгов.

Мамино пророчество в действии...

За два года совместных пьянок и перепихов без обязательств мне ни на минуту не удавалось забыть, насколько сильно первый зам Натальи Феликсовны рискует из-за таких, как я, своей кристально чистой репутацией.

Просыпаюсь раньше будильника изрядно уставшей — всю ночь меня преследовали сны, в которых я, захлебываясь в истерике и не щадя коленок, просила прощения у Натали,

у Олега, у Оленьки, у школьных учителей, соседей и незнакомцев за то, что совершила ужасную провинность. За то, что когда-то доверилась непонятно кому и не прислушалась к умным советам. За то, что не создала семью и все еще одна. За то, что ничего путного из меня не вышло...

Кровь до сих пор шумит в ушах, а руки дрожат. Одна ошибка может обойтись слишком дорого, когда ты не имеешь права на ошибку.

Глотая кофе в пустоте мрачной кухни, я вдруг с пугающей ясностью осознаю, что давно достигла дна.

Пробила его и падаю дальше.

И вокруг нет никого, кто мог бы схватить меня за шкуру и вытянуть на поверхность.

Блузку и чудовищно узкие туфли я игнорирую — хуже уже не будет. «Позору колхоза» с дисциплинарным взысканием до конца месяца незачем соответствовать офисным правилам.

Прячу немытые волосы под капюшоном серого худи и, даже не взглянув в зеркало, выхожу в подъезд.

Лифт не работает — семь этажей ковыляю по ступеням вниз, вчерашние мозоли саднят и ноют при каждом шаге. Толкаю плечом железную дверь и давлюсь утренней сыростью — тучи толпятся над крышами, влажный воздух пробирается сквозь одежду и липнет к коже, а я, конечно же, без зонта.

Снова безнадежно опаздываю и бегу, преодолевая боль, но у края проезжей части светофор вперяет в меня немигающий красный глаз и не дает пройти.

Поглубже натягиваю капюшон, одергиваю толстовку, жду зеленого, незаметно оглядывая людей, столпившихся у остановки напротив.

И разочарованно вздыхаю: моего наваждения — наглого мальчишки — там нет.

Сонная, воняющая перегаром и зубной пастой толпа вносит меня в теплое запотевшее нутро автобуса. Примостившись на ближайшем сиденье, разматываю наушники, отключаю музыкой внешние звуки и закрываю глаза.

Мне не хочется на работу. Больше не хочется просыпаться по утрам. Не хочется жить — если отбросить иллюзии, какое там, впереди, для меня маячит будущее?..

Беспросветность. Даже сейчас я кожей ощущаю ее могильный холод.

И с удвоенным вдохновением представляю, как при всех громко и четко посылаю Натали, и она, словно рыба, беззвучно шлепает распухшими от филлеров губами, подплываю к Олегу, в гробовой тишине целую взасос и, от души продемонстрировав всем «фак», навсегда покидаю офис... А потом уезжаю в теплые края с тем, кто в лучах света ждет меня в дверях. От его черных огромных глаз заходится сердце...

Неплохая идея — свалить на Мальдивы. Только вот денег,

старательно откладываемых на осуществление мечты, пока не хватает. Да и в дверях... никто не ждет.

— Вот она, молодежь! Заткнут уши — и трава не расти! — орет кто-то на периферии слуха, я вздрагиваю, и дрема мгновенно отлетает прочь. — Расселась тут, нет бы поднять задницу и уступить место пожилому человеку!

Медленно отдупляюсь и растерянно верчу головой в попытке понять, что происходит.

Толстая, пышущая здоровьем тетка в спортивном костюме склоняется надо мной и брызжет слюной:

— Нахалка! С тобой разговариваю! А ну вставай, шалава! — Ее скрипучий голос набирает мощь пожарной сирены. Весь салон с интересом наблюдает за сценой, а я мечтаю провалиться в ад.

— Нет, вы гляньте, гляньте на эту лахудру! Совсем совести нет! «Уступайте места пенсионерам...» Читать не можешь, моль облезлая? — голосит попутчица, но чья-то негромкая фраза перекрывает ор и мгновенно его нейтрализует.

— Отвалите от нее.

Возле злобной пенсионерки вырастает темная фигура с рюкзаком на плече, мрачный взгляд застывает на перекошенной бордовой физиономии, явно вознамерившись прожечь в ней дыру.

Происходит то, чего я до чертиков боялась и так ждала, — после многих дней громкого молчания парень начал дей-

ствовать.

— Че ты сказал? — Тетка вновь заводится и вопит пуще прежнего: — Нет, ты че сказал, шакал бессовестный?!

— Садитесь на мое место, — цедит сквозь зубы он, и красивое лицо вспыхивает от ярости, — только отвалите от нее. И... закройте уже рот. Без вас тошно...

Общественность в автобусе взрывается — гнев и возмущение всего мира обрушиваются на голову бедного парня, зачинщица скандала мгновенно переключается на нового оппонента и, благополучно забыв обо мне, поливает отборным матом.

Тот лишь равнодушно смотрит в окно и ухмыляется.

А я не могу отвести от него взгляд.

— Ублюдок, извинись немедленно! Вот это воспитание!.. Она тебе в бабушки годится! — ругается мужчина на средней площадке, ему неистово подтягивает молодая бомжеватого вида деваха, и я сжимаю кулаки — парнишка влетел в неприятности и страдает сейчас из-за меня.

Впервые за много-много лет кто-то, рискуя своим спокойствием, вступился за меня...

Решительно вскакиваю и улыбаюсь:

— Женщина, садитесь, пожалуйста, если вам принципиально именно сюда...

— Да, мне принципиально! Принципиально, сучка драчная! — не унимается тетка, величественно устраивая на сиденье огромный зад. — А какие все умные! Чего лыбишься,

наркоман чертов?!!

— Пожалуйста, хватит! Я извиняюсь, всем слышно? Извините!!! — пытаюсь перекрычать десятки голосов и прекратить балаган, но вмиг теряю дар речи — горячие пальцы крепко смыкаются на моем запястье и гортань сводит спазм.

— Заткнись. Да заткнись ты уже! — шепчет мальчишка мне в ухо и рывком тянет к открывшимся дверям.

1. "Кладбище самолетов", автор Ю. Каплан, "Часть чего-то большего", 2013

Глава 8

В темных, наглухо затянувших небо тучах вдруг возникает просвет, золотые солнечные лучи гладят нежную листву тополей — в пяти метрах от дороги раскинулся лес, связывающий районы города и промзону. На одинокой остановке в это время суток нет никого, кроме меня и незнакомого мальчишки, который все еще крепко держит мою руку.

О неземных отношениях с ним было так приятно мечтать, улетать подальше от бездны и забываться, но теперь его образ обрел плоть и кровь, превратившись в настоящую, реальную проблему.

— Отстань! — За долю секунды принимаю верное решение, выворачиваюсь из надежного захвата и отхожу на пару приличных шагов. — Что ты вообще вытворяешь?

От злости, стыда, собственной слабости и огромной благодарности трясет, но если скажу ему спасибо — точно разревусь. Сяду на грязный асфальт и заору в голос. Вывалю все свои беды и, вцепившись в его подстреленные чиносы, больше никуда никогда не отпущу.

Не хотелось бы мне знакомиться с ним при таких обстоятельствах. Да мне, черт возьми, вообще не хотелось с ним знакомиться!

— Они орали как потерпевшие, и я не выдержал. Прости, — винится парень и углубляется в телефон. — Следующий

автобус подойдет через десять минут — поедешь на нем.

Он очень красиво и тепло улыбается и без всякого стеснения пристально смотрит на меня — так смотрят на хорошо знакомого человека, по которому адски скучали...

Невзирая на неудачи в амурных делах, я прекрасно считываю сигналы — тем более настолько недвусмысленные. Игрой в гляделки меня не проймешь. Однако с ним все настройки сбились напрочь — я в ужасе, язык присыхает к нёбу, а сознание едва теплится.

— Ты зачем унижалась и извинялась? Надо было послать их всех на... — Он сокращает расстояние между нами до недозволенного. Съеживаюсь от такого проявления заботы, а еще — от внезапной близости и волны обжигающего тепла, но не двигаюсь с места. Попытаться — значит поддаться, а из нас двоих кто-то должен быть в разуме.

— Эй, как ты со мной разговариваешь? — Собираю остатки выдержки и изображаю возмущение; парень в недоумении поднимает бровь и, нависая надо мной, ухмыляется:

— А как я разговариваю?.. Это ты смени менторский тон на нормальный.

Наглость других всегда застает меня врасплох — хлопаю глазами, раскрываю рот, но не нахожу слов. От мальчишки исходит такая мощная энергетика спокойствия и владения ситуацией, что иным брутальным мачо и не снилась...

— Л-ладно... — Отступаю на шаг и мямлю севшим голосом: — Я извинилась, потому что не хотела скандала. Ме-

ня учили: старших надо уважать.

Во мне говорит недобитый синдром отличницы, а еще — стремление на корню пресекать любой конфликт, впитанное с молоком авторитарной матери. Черты, изрядно осложняющие и без того нелегкую жизнь.

— Сам по себе возраст не дает право на уважение. Статус не дает право на уважение. Если человек всю жизнь был тупой мразью, за что воздавать ему почести? Та тетка здоровее нас обоих. И у нее не написано на лице, что она пенсионерка. С какого перепугу ты должна была уступать ей место?

Он без стеснения озвучивает мои собственные постыдные мысли, однако если открыто соглашусь с его суждениями, стану такой же конченой. Так не пойдет.

Что вообще творится в мозгах у «Поколения Z»?..

Надо бы провести краткую лекцию о вечных ценностях, но вместо этого я проваливаюсь в черную глубину его глаз, ведусь на гипноз улыбки и натурально пропадаю — посторонние звуки отключаются, ноги слабеют, земля уплывает...

Мальчишка осторожно поддерживает меня за плечи, и я взвиваюсь:

— Держи свои грабли при себе! — Он шарахается и послушно вскидывает руки, но я не могу успокоиться. — Думаешь, я ничего не замечаю? Зачем ты за мной таскаешься? Что тебе нужно?! Говори!

— Да не знаю... Ты... красивая. А я помешался. — Тихий простой ответ сокрушает, я давлюсь пахнущим тополя-

ми воздухом, шумно сглатываю и цепляюсь за хвосты сошедших с ума мыслей.

Черта с два он когда-нибудь еще до меня дотронется.

Это перешло все границы.

— Ты дурной?! Если не отвяжешься, заявлю в полицию!

— то ли угрожаю, то ли умоляю, но он невозмутимо парирует:

— Заявляй, я отвечу. — И с огромной, не свойственной молодым людям усталостью во взгляде вдруг выдает: — Я словно умираю каждый раз, когда вижу тебя. Может, хоть они выбьют дурь...

Оглушенно пялюсь на него, силясь сказать что-то правильное и мудрое, но не выходит — никогда в жизни не видела создания ненормальнее и прекрасней. Из-под черного капюшона торчат каштановые патлы, темно-карие глаза сияют как у психа, на резко очерченных скулах от напряжения проступили красные пятна, а над переносицей — ямка, какая бывает только у думающих, подверженных сомнениям людей.

Он юный и до нехватки кислорода красивый. И намного опаснее для меня, чем все вместе взятые «Олеги» и иже с ними.

Самое время взглянуть на фитнес-браслет и проверить жизненные показатели. Сдается мне, я близка к удару.

— Я слишком тупой, не могу описать нормально, что к тебе чувствую. Разве что стихами... — Он сжимает лямки

рюкзака так, что костяшки пальцев белеют, глубоко вдыхает и, не выпуская меня из поля зрения, дрогнувшим голосом декламирует: — «И в пролет не брошусь, и не выпью яда, и курок не смогу над виском нажать. Надо мною, кроме твоего взгляда, не властно лезвие ни одного ножа...»[2]

Тучи окончательно рассеиваются, над его головой разливается безмятежная синева, колышутся ветви благоухающих сиреней, поют райские птицы...

Моргаю и прихожу в себя. Придурок прикалывается.

Какого лешего я паникую как испуганная девственница?

Прочищаю горло и обращаю все в шутку:

— Угу. Да ты у нас поэт. Можно сказать, классик... Твоя фамилия, часом, не Маяковский?

— Ты знаешь, чье это! — обворожительно скалится он.

— Еще один плюс к твоему светлому образу.

Какому образу? Грязные волосы, растянутая толстовка, двухнедельный маникюр...

Ищу в каждом слове подвох, но, как только поднимаю голову и снова решаюсь на него посмотреть, преисполняюсь уверенностью — нет никакого подвоха, он серьезен.

И от ужаса скручивает живот.

— Окей, я и не рассчитывал на взаимность так скоро. Но я не сдамся. Как тебя зовут?

— Кажется, ты бредишь... Может, хватит? — Из-за леса показывается тупая желтая морда автобуса, и я поспешно отбегаю к беленому бордюру: — Если так и будешь там стоять,

транспорт уедет без тебя.

— А у нас нет сегодня занятий. Хочешь правду? Я специально пришел на семичасовой. Давно собирался подвалить, решился наконец, но в итоге из-за бабки пришлось импровизировать. Если что-то не так — извини, со мной такое вперые...

Не хочу слушать его нескончаемый треп — запрыгиваю в гостеприимно распахнутые двери, покачнувшись, ловлю липкий поручень и ищу не в том кармане проездной. Сердце расплавилось к хренам, разум вытек через уши, внутренности сжигает огонь. Напоследок оглядываюсь, а зря: мальчишка подмигивает, рисует в воздухе сердечко и нахально улыбается.

[2] В. Маяковский, «Лиличка!» (1916)

Глава 9

Прижимаюсь лбом к прохладному дребезжащему стеклу средней площадки, медленно стряхиваю с себя шок, привожу в порядок мысли.

Если бы мне было восемнадцать, случившееся могло сойти за ванильную романтику, окрылить и свести с ума, но в моих обстоятельствах смахивает на дурной сон.

Среди неустроенности и повседневных проблем для полного счастья мне не хватало только малолетнего психа — и вот он нарисовался...

Не дожидаясь лифта, через три ступени бегу на нужный этаж, однако на удивление примета все еще работает, мне везет — влетаю в офис на пару минут раньше Натали, успеваю включить комп, дежурно улыбнуться незаметно подмигнувшему Олегу, разложить на столе стопку бумаг и даже плеснуть кипятка в чашку с Дартом Вейдером.

Работа спорится, но от пережитого волнения, усугубленного до густоты крепким кофе, пальцы дрожат и промахиваются мимо клавиш. Ощущение обиды, несправедливости и грязи автобусного инцидента засело в горле и жалит, жалит, жалит... Но его перебивает что-то невесомое, светлое, чистое и теплое, как запах солнца, сохранившийся на запястье.

Матерюсь и ловлю настороженный взгляд первого зама — своего недоухажера, недорыцаря, да и вообще... недомужи-

ка.

Не многие в наши дни способны, рискнув спокойствием, вступить за ближнего, это давно уже норма жизни. Безразличие — норма жизни...

Мальчишка прав: все мы — просто мрази, нас не за что уважать.

Я даже не удосужилась его поблагодарить, и теперь он видится мне потерянным и одиноким, нуждающимся в участии и тепле.

Мама всегда говорила, что я неразборчива в связях и излишне добросердечна, пусть так. Но дискомфорт от неправильности моего поступка все равно не отпускает, тревожит и изрядно отравляет кровь.

— Дамы и господа! В преддверии Дня Победы поступило предложение всем дружным коллективом сходить в «Метелицу». Желающим необходимо сдать по пять тысяч рублей! — объявляет Натали, по случаю предстоящего корпоратива облаченная в такую узкую юбку, что я невольно переживаю за прочность швов. — Однако... Если у вас есть незавершенная работа, просьба остаться сверхурочно и доделать ее до выходных!

Ну конечно же, оговорка касается только меня — я свожу воедино результаты отдела, подготавливаю отчеты и анализирую итоги.

Коллеги вяло и ненатурально радуются, а я усмехаюсь.

Все началось восемь лет назад, в канун Нового года. Тогда

мы с Натали еще приятельствовали, занимали одни и те же должности и вместе заказывали наряды в онлайн-магазине. И, по странному совпадению, пришли в кабак в одинаковых платьях. Но внимание мужиков было приковано не к ней...

Я не расстроена, сколько ни прислушиваюсь к себе. Выходка злопамятной мегеры не достигла цели.

Пусть стайка безвольного планктона покорно идет за ней, напивается до пороссячьего визга, фальшиво поет в караоке и изображает безудержное веселье. У меня есть куда более занимательный маленький грязный секрет, и от мыслей о нем щекочет в солнечном сплетении.

Умываюсь в уборной холодной водой, долго смотрюсь в заляпанное чем-то мерзким зеркало и еле сдерживаю торжествующую улыбку. Ничего выдающегося в мутном отражении я не нахожу, но если молодой симпатичный парнишка разглядел красоту... как же хочется ему верить!..

Чтобы впредь его избегать, придется изменить распорядок дня — вставать на час раньше, пиликать на другую остановку и до самой пенсии ездить на работу с пересадками. А потом... Когда-нибудь потом мы все же пересечемся и он уступит мне место. Если поумнеет и пересмотрит жизненные позиции, а я каким-то чудом вдруг перестану быть трусливой и заслужу уважение.

— Да, Майка, хреново получилось... — весьма искренне сочувствует Олег, когда мы тайком уединяемся в курилке. — Как же она задолбала со своим недотрахом. И ведь слова

поперек не скажешь — будет потом вечно жрать...

Он приобнимает меня, и я неосознанно подаюсь навстречу его не слишком уютному теплу. В конце концов, иногда с ним бывает весело.

— А давай завтра после салюта созвонимся? Посидим где-нибудь, потом поедем к тебе. Как такой вариант? — Он с азартом треплет край галстука, но у меня мгновенно созревает другой план.

— Олег... Завтра я еду к маме... — Самое время поделиться информацией, что его там тоже ждут и очень нуждаются в помощи в установке теплицы, но, подавив горький смешок, я расплющиваю окурочку о грязный подоконник и ухожу.

После пяти офис пустеет — гаснут лампы над рабочими столами, смолкают кулеры в перегревшихся системниках и ноутбуках, повисает гулкая тишина. Солнце клонится к горизонту, неотвратимо темнеет, зато оживают посторонние звуки, шорохи, стуки, эхо чьих-то шагов и отзвуки голосов — наверное, это призраки несчастных работяг, почивших от непосильного труда прямо на рабочих местах, вызывают к уцелевшим...

Напряженно всматриваясь в черноту неосвещенных углов, допиваю очередную порцию мерзкого остывшего кофе и отправляю на печать готовый отчет. Отойдя подальше от датчика задымления, распахиваю фрамугу, прикуриваю и смачно затягиваюсь — в мозгах тут же воцаряется идеальный порядок.

Город внизу окутал надушенный теплый вечер, под розовыми фонарями россыпями конфетти бьются мотыльки, фиолетовое небо над домами расчерчено золотыми полосками облаков. По брусчатке прогуливаются влюбленные парочки и счастливые семьи — улыбающиеся мамы и гордые папы, держащие за руки вертлявых детей. Лавочки у ТРЦ оккупировала шумная молодежь, вероятно, среди них и мой сумасшедший Ромео...

Покачнувшись, провожаю взглядом сорвавшийся с кончика сигареты пепел и трясую головой. Надеюсь, его попустило, он в объятиях своей девочки и не вспоминает обо мне.

Я не обижусь. Я тоже забуду сегодняшний разговор.

Юность — прекрасное время надежд, планов, бушующих чувств и странных решений — имеет свойство молча уходить, предавать, разбивать надежды.

Но предвкушение чего-то неведомого, неизбежного и фатального, возможного только в мае, все равно сводит мышцы и давит на горло.

Избавляюсь от окурка, закрываю раму и с целью сокрытия следов преступления разбрызгиваю в воздухе туалетную воду. С чувством выполненного долга кладу на стол Натали пронумерованный и прошнурованный отчет, гашу люминесцентные лампы под потолком, закрываю на ключ осиротевший офис...

По темной мраморной лестнице спускаюсь вниз и, поборовшись с массивной дверью холла, оказываюсь в сказке —

кружевах черемух и сиреней, шуме моторов и воплях клаксонов, отголосках музыки и пьяных запахах цветения.

Что мне их корпоративы, когда впереди два дня отдыха. Завтра утром сяду в электричку и все выходные проведу возле мамы, верной собачкой внимая ее наставлениям и наущениям. Как бы мне ни хотелось послушаться, я не могу — не оправдала возложенных надежд и все еще в некоторой степени завишу финансово. Да и нет у меня больше никого. Никого во всем белом свете.

Сворачиваю в поросший елями сквер, нашаривая в кармане зажигалку и верную пачку, но возня, мат и звуки глухих ударов заставляют остановиться и замереть.

— Где вес, придурок? Мы тебе пальцы переломаем. Гони бабло. Счетчик капает! — Люди в черных капюшонах ногами избивают скрючившегося на траве парня, но тот не сопротивляется, только прикрывает голову руками.

На скамейке я вижу расстегнутый рюкзак с белой «Анархией», а в поверженном парне узнаю... его. Кажется, он в полнейшем дерьме.

— Эй, что вы делаете! — кричу, и они как по команде оборачиваются.

Тут же, как в концовке дурного кино, становятся явными и другие детали. Нападающие вовсе не его ровесники, а гораздо старше. Их четверо, а я одна. Мальчишка приподнимается на локтях и утирает рукавом кровь, а я судорожно соображаю, как его спасти. Как нам спастись.

— Иди мимо. Если не хочешь рядом прилечь! — огрызается огромный мордоворот. Мальчишка сплевывает, скользит по мне безмятежным взглядом и ухмыляется, но получает кулаком в живот и снова скрючивается. Меня мутит.

— Он вам должен? — умирая от страха, пищу чужим голосом: — Я отдам! Только, ребят... прошу вас, хватит!..

— Уйди, пожалуйста. Отвали. Чуваки, я вообще ее не знаю! — протестует мальчишка и снова ловит удар под дых.

В желудке взвивается тошнота.

— Я знаю его. Я все отдам. Дайте пару минут — добегу до банкомата...

Орки переглядываются и, придя к какой-то ведомой только им молчаливой договоренности, кивают. Двое остаются на месте, а еще двое увязываются за мной, для скорости подталкивая в спину.

Ноги подкашиваются, выпитый кофе вот-вот извергнется изо рта и носа, в висках стучит. С надеждой смотрю на многочисленных прохожих — интереса наша троица не вызывает, но на людной площади хотя бы не случится убийство.

За музыкальным фонтаном зазывно сияет зеленая вывеска банка. Дрожащей рукой вставляю в ячейку карту и ввожу ПИН-код.

— Сколько? — Оборачиваюсь на безучастных орков, и один из них, заглядывая в экран, сипит:

— А сколько у тебя там? Триста? Отдавай все, тогда и снимем долг с твоего утырка.

Кисло улыбаюсь, давлюсь слезами, набираю тройку и пять нулей.

Прощай, мечта. Не ждите меня, Мальдивы...

Но, может, это и есть тот самый шанс измениться и выйти из зоны комфорта?

Глава 10

В экстремальные ситуации с участием отморожков я не попадала лет десять — с момента как перекрасила волосы с кислотно-розового обратно в цивильный русый и сменила гардероб.

Орки, сверившись с чеком, рассовали наличку по карманам и отвалили, а меня все еще трясет. Досада, страх, омерзение накатывают волнами — словно я соприкоснулась с мерзкими сущностями из темного мира, и те забрали часть энергии и любви к жизни...

А вот гарантий, что парень больше не в опасности, мне никто не дал.

Слезы искажают картинку, кончики пальцев покалывает от паники.

Спешу обратно в сквер, но ватные ноги, как в кошмарном сне, не подчиняются командам мозга, путь занимает целую вечность, хотя в обычных обстоятельствах от банкомата до елок пара минут прогулочным шагом.

На скамейке, спрятав лицо за ладонями, сгорбившись, сидит он, и из груди вырывается вздох облегчения.

— Эй... Ты как... — Присаживаюсь рядом и тихонько трогаю его грязный рукав. Парень дергается, убирает руки, но, увидев меня, расслабляется.

— Прекрасная незнакомка... Слава богу. Ну вот зачем ты

влезла, а?

— Они же... — Откашливаюсь и оцениваю причиненные ему повреждения: губа разбита, на скуле синяк, толстовка и ворот футболки запачканы кровью... — Запросто могли убить!

— Ну и сдох бы. Тебе-то какое дело? — устало вздыхает он. — Сколько они с тебя взяли?

— Ну... только то, что трясли с тебя. — Испуг отступает, адреналин сходит на нет, и смутные подозрения превращаются в уверенность — меня ограбили на сумму, сильно превышающую его долг.

— Сколько теперь я должен тебе? — допытывается парень. — Неужели полтос?

Не хочу, чтобы он догадался, что меня развели, не хочу, чтобы чувствовал себя виноватым, — потому и блефую:

— Да, пятьдесят.

— Не ври. Тебе не идет... — Он криво усмехается. — Я эту сумму наобум назвал — просто чтобы проверить. Так сколько на самом деле?

— Отстань. Теперь уже без разницы... — Тереблю уголок сумки; парнишка, смягчившись, подсаживается ближе и вкрадчиво шепчет:

— Окей. Давай поступим так. Я буду отдавать тебе деньги частями до тех пор, пока ты не скажешь, что хватит.

От мятного дыхания кружится голова, но я кусаю изнутри щеку. Гребаный паноптикум. Что я делаю здесь, в темном

сквере в обществе избитого сопливого наркодилера, по вине которого лишилась всех средств к существованию? Неужели ведусь на его бредни?..

— Каким, интересно, образом? Опять свяжешься с ними? Будешь раскидывать закладки с удвоенным усердием или...

— Такого не будет!!! — отрезает он, а я затыкаюсь, в очередной раз пораженная тем, как сопляк временами может «включать мужика». — Я никогда ничем таким не занимался, это впервые! Просто везет как утопленнику...

Сто к одному, что он врет, но, заглянув в его черные горящие глаза, я решаю поверить.

— Мне нужно было подзаработать. Неделю назад шел с весом на руках, но на проспекте, как по наводке, увязались менты. Чтобы не попасться, скинул его... и попал на деньги. — Он рассматривает ссадину на ладони, поднимает голову и расцветает, словно узрел божество. — Они бы сломали мне пальцы и залили рожу зеленкой. Спасибо тебе! Спасибо, что впряглась и выручила. Я думал, что такого не бывает...

Сейчас мальчик делает то, на что так и не решилась я, — благодарит. На душе становится еще гаже. Нахожу в сумке платок и протягиваю — он перенимает его и, поморщившись, прикладывает к рассеченной губе.

Нужно поставить в известность родителей — по крайней мере, так должен поступить взрослый и разумный очевидец правонарушения.

— Ты совершеннолетний? — брякаю отчего-то совсем не

тем тоном, которым следовало.

— С какой целью интересуешься? — Парень игриво поводит бровью, но тут же становится серьезным. — Обижаясь. Мне девятнадцать. Уже можно все.

Он напропалую намекает неизвестно на что, по весеннему воздуху летают феромоны, пульс разгоняется до запредельных скоростей, а по коже ползут теплые мурашки.

Моргнув, отворачиваюсь от наваждения, но облегчение, жгучий интерес и радость не исчезают.

— Где ты живешь? Как твое имя? — Из последних сил пытаюсь сохранить лицо и выяснить подноготную, но натыкаюсь на все ту же наглую ухмылку:

— Ну уж нет. Сначала ты скажи!

— Ладно. Меня зовут Майя.

— Ого! Это... так красиво... — Он пялится на меня с удивлением и восхищением, граничащим с поклонением, по неизвестной причине я тоже не могу отвести взгляд. Раны не убавили его адскую притягательность, наоборот, сделали парня невыносимо прекрасным.

— А я — Тимур. Тим. Тима, или как говорит мама, Тимочка... Но мне не нравятся все эти варианты. Лучше придумай свой. Как же мне, черт побери, приятно! — Он протягивает для пожатия руку, но я игнорирую жест.

— Прекрати паясничать. Позвони матери или дай мне ее номер!

— Мне нельзя в таком виде домой. Меня там покарают

сильнее, чем эти доппельгангеры. — Темные глаза вспыхивают нахальным блеском, я не могу раскусить его намерений и снова верю. — Утром мать уедет на пару дней, тогда есть шанс выжить. А пока... пережду бурю тут.

Избитый мальчишка не должен всю ночь сидеть на улице, но что я могу? Неужто опять предложить помощь?

Проводить вечера одной надоело до дрожи, до воя... И на кухне есть мамин диван.

Черт с ним, пусть спит на нем.

— Тогда... — говорю спокойно и ровно, только голос все равно предает. — М-можешь... Перекантоваться до утра у меня.

Мальчишка вскакивает слишком уж резво, будто не его только что возили по земле симпатичным лицом, вплотную подходит ко мне и кивает:

— Окей. Пойдем.

Поднимаю голову, и мысли улечиваются. Я люблюсь им.

Волосы, в свете фонаря отливающие розовым золотом, внушительный рост, стройная фигура, широкие плечи, мой платок в кулаке... К горлу снова подступают слезы.

Это как вернуться с войны — потрепанными и не без потерь, но связанными невидимой прочной нитью.

— Но только при условии! — спохватываюсь и, прищурившись, указываю на него пальцем. — Ты будешь держать при себе свои грабли!

— Обещаю. Клянусь. — Демонстрируя покорность, он по-

спешно прячет их в карманы штанов.

Окончательно стемнело, вечер обратился в бархатную душную ночь; не привлекая внимания прохожих, мы медленно идем к остановке. Тимур держится чуть поодаль и молчит, только две черные тени впереди исступленно трутся друг о друга и сливаются в страстных объятиях. Усмехаюсь, но ничего не могу поделать с ощущением полета и трепета — как у без памяти влюбленной девчонки гудит голова.

Мне больше не жалко денег, заработанных непосильным трудом, открылись другие перспективы — неведомые, жуткие, будоражащие, опасные...

Он галантно пропускает меня в подошедший автобус, запрыгивает следом, и кондуктор, недобро зыря на странную потрепанную парочку, тут же выдвигается к нам. Выясняется, что у нас нет ни копейки, но, на счастье, есть проездные — предъявляем их и, отвернувшись к окну, встаем на пионерском расстоянии. Мальчик больше не лезет ко мне и не давит плечами. И не сопит возле уха, доводя до полуобморока...

Но нерадивая бабуса с огромными баулами бросается наперерез автобусу, водитель, матерясь, в последний момент тормозит, пассажиры ахают... Чтобы не навернуться, хватаюсь за теплый бок Тимура и тоже ахаю.

— Ну что ты творишь, Май? Был же уговор: не лапать друг друга... — отчитывает он меня без тени иронии. Краснею как

рак, а он ржет.

От дурных мыслей подташнивает, но, едва ветерок спального района освежает разгоряченную кожу, здравый смысл пробивается сквозь толщу невнятных желаний и отрезвляет.

Что я делаю?.. А главное, зачем?..

По давно заведенной ЖЭКом традиции, лифт не работает, но я несказанно рада этому факту — не придется вжиматься в заплеванную обшивку кабины, потупившись, любоваться грязной обувью и задерживать дыхание, дабы не дышать слишком громко и не вызывать у парня подозрений.

На лестнице нарываюсь на вездесущих соседок, их натянутые в елейных улыбках губы дергаются, а глазки блестят сотнями вопросов, но Тимур безучастно проходит мимо них, а я вынуждена догонять. Сенсации не случается.

— Высоко же ты забралась, Май, — сетует он, хватая ртом воздух и упираясь ладонями в колени.

— Да уж. Лететь долго... — Гремлю ключами, распахиваю дверь и включаю настенный светильник. — Прошу!..

Парень разувается, почтительно ставит кеды на полочку, выпрямляется и нависает надо мной — прихожая, квартира, город, вся земля вдруг становятся слишком тесными...

Он вспыхивает, вспыхиваю и я.

— Привет этому дому. У тебя классно, Май. — Тимур шахрается в сторону первым и прочищает горло. — Знаешь, что я подумал. Я испугал тебя утром, ведь так?

— А сам как считаешь? Твое поведение нормально?.. —

Вешаю сумку на крючок и сбрасываю с усталых ног обувь. Прохожу в комнату и зажигаю свет.

Он плетется за мной и, скромно притулившись на краю дивана, ловит мой взгляд.

— Я не маньяк. И не дилер — все случилось по глупости. Просто нам нужно ближе узнать друг друга. Станем друзьями, и тогда, возможно...

Подпираю плечом стену и долго смотрю на него.

Он словно выпал из другого мира и непонятно как оказался в моей покрывающейся паутинами и плесенью норе с дурацкими шторками на окнах. Благодаря ему эта ночь не будет наполненной тошнотворным одиночеством, оглушающими мыслями и традиционным самобичеванием. Но он же олицетворяет собой все неслучившееся. Ушедшие мечты, несбывшиеся надежды и рассыпавшиеся в пыль планы. Он — это то, что уже никогда со мной не произойдет.

— Тимур... Какая дружба, мне тридцать два, — выдыхаю и принимаюсь деловито забрасывать на полки разбросанные вещи. После этих слов должен был грянуть гром, а парень в ужасе свалить, но ни черта не происходит.

Он кивает:

— Окей. Прикольно. Май, у тебя, случайно, «дошика» нет?

Мой апломб моментально сдувается.

Откуда он знает, что из съестного у меня — только рамен, фитнес-завтраки, кофе и зеленый чай?

Подивившись здоровой наглости и пофигизму гостя, удаляюсь на кухню, наполняю чайник холодной водой и нажимаю на кнопку. Возвращаюсь в комнату и углубляюсь в шифоньер — там, на самом дне, давно забытыми лежат нефорские футболки. Одну из них, побывавшую на мне на всех легендарных опен-эйрах в счастливых нулевых и десятых, — безразмерную, черную, с принтом одухотворенного Че Гевары на груди, я вытягиваю на свет божий.

— Держи. Тебе надо переодеться. А это давай сюда, запущу быструю стирку.

Тимур с восторгом оценивает артефакт, улыбается и вдруг без всякого стеснения стягивает с себя толстовку вместе с футболкой и протягивает мне.

Прежде чем отвернуться, я вижу его тело. Совершенное, гладкое подтянутое тело — ключицы, плечи, мышцы, рельеф вен на руках...

Чайник щелкает; вздрогнув, я спасаюсь бегством, прислоняюсь к холодному кухонному кафелю и судорожно пытаюсь дышать.

Глава 11

В приоткрытое окно с любопытством заглядывает желтый глаз убывающей луны, влетают запахи гари и черемух, собачий лай и бормотание соседского телевизора.

Одетый в мою футболку Тимур, расположившись на скрипучем табурете напротив, поглощает лапшу быстрого приготовления, но продельывает это с таким достоинством, словно находится на ужине при дворе королевы Елизаветы.

Он учтив, спокоен и вполне мил, ничто не предвещает беды, но случайно подсмотренное мною зрелище пуще абсента туманит мозг и парализует волю. Общаться с обладателем такого тела, хоть и скрытого под слоями мешковатой одежды, все равно что держать в руке гранату с выдернутой чекой — непоправимое неизбежно произойдет, если не действовать предельно продуманно и осторожно.

— Скромность — явно не твой конек. — Подпираю подбородок ладонью и вопрошаю тоном строгой училки: — Почему попросил именно «Доширак»?

— Привык к нему и полюбил. Почти так же сильно, как тебя, — брякает он, и я зависаю.

Его лицо трагически серьезно, но в черноте зрачков отчетливо читается вызов.

Невозможное существо проверяет меня на прочность, и я не могу ему противостоять.

Нервно улыбнувшись, вскакиваю и линияю в гостиную, приношу оттуда подушку и одеяло и складирую на диван. Тимур пристально следит за моими действиями, шарит взглядом по телу — я чувствую это и злюсь, стараюсь не поворачиваться к нему задом и не наклоняться, но навязчивая идея уложить его рядом с собой все равно прорывается из подсознания, превращая мысли в кашу.

— Это ты? — Он наконец отводит глаза и указывает на фото, стоящее в рамочке на холодильнике.

«Москва, 2011 год. Концерт группы Linkin Park».

На нем я примерно в возрасте Тимура — худая, как тростинка, похожая на эльфа с розовыми волосами, с улыбкой до ушей, позирую любимому парню. Через месяц он меня цинично предаст, а еще через пять лет, получив ответку от кармы, сопьется и опустится на самое дно.

— Ну да... — Уставившись на фотографию, живо припоминаю детали того дня и усмехаюсь. — Июнь одиннадцатого. Красная площадь. Мы сорвались туда спонтанно и добрались автостопом, но оно того стоило.

— Я бы все отдал, чтобы там побывать — жаль, поздно родился. Тогда еще была настоящая свобода... — Темные глаза парня заволакивает грусть. — Скажи мне, каково это — чувствовать ее?

В нынешнем окружении никто не задает мне вопросов о душе, и я битый час распинаясь перед ним, что тогда было опасней и веселее, на пределе адреналина, честно и по-

настоящему, а люди умели мечтать и с оптимизмом смотрели в будущее... Рассказываю о реальных попаданиях и отважных приятелях, злобных скинхедах и дворовой гопоте, о поездках на фесты и ночевках в палатках, о музыке, любви и дружбе, которая не прошла испытания временем.

Он слушает раскрыв рот — словно сам Господь, явившийся на землю, доносит до него прописные истины, а я вдруг ощущаю себя умудренной сединой и слишком старой для всего этого дерьма.

— Ладно. Доедай уже и устраивайся. Если что — зови...

Лицо Тимура расплывается в похабной улыбке, но рана напоминает о себе, и он морщится, а сигнал об окончании стирки дает мне повод ретироваться.

Вытаскиваю вещи из стиральной машины, с особым трепетом прижимая их к груди, спешу на балкон, перекидываю через натянутые под потолком веревки и долго вглядываюсь в спящий город, мерцающий огнями в прямоугольнике распахнутой рамы.

Закуриваю и опускаюсь на древний дежурный стул — место размышлений для одиноких неудачниц.

Школьная золотая медаль в картонной коробочке, ворох похвальных листов и грамот, университетский красный диплом — все, к чему я стремилась, давно покрыто слоем пыли.

Мои менее честолобивые ровесники обрели семьи и живут другими заботами — возвращаются в уютные дома, улы-

баются вторым половинкам, укрывают одеялами, целуют в лоб теплых детей, а я...

А что я? Существую, не поднимая головы, и получаю от реальности мелкие тычки и серьезные удары. И, если бы не странный мальчишка, сидящий на кухне, прямо сейчас могла бы выйти в окно.

Дверь бесшумно открывается, Тимур встает рядом — кошусь на него, и учащается пульс.

— Я вымыл тарелку и убрал в шкаф. Можно составить тебе компанию?

Не дожидаясь одобрения, он без спроса берет из пачки сигарету, чиркает зажигалкой и садится на второй стул, принесенный сюда ради редких визитов Олега.

— Май, почему ты сказала, что отсюда долго лететь? — спрашивает Тимур у темноты, и я таращусь на него, как на привидение, в иррациональной уверенности, что он умеет читать мысли. Его черный профиль на фоне темно-синего неба кажется вырезанным из бархатной бумаги, а близкое присутствие, приправленное ночным майским ветром, пьянит, пугает и выводит из равновесия.

Красивый до неприличия и настолько же молодой парень упорно пытается влезть в мою серую скучную душонку, и паранойя тут же услужливо подсказывает — где-то здесь есть подвох.

— Это... называется шутка, — получается гнусаво и едва ли прокатывает за оправдание, Тимур смачно затягивается,

и разгоревшийся огонек на миг освещает его хмурое лицо.

— А вы знаете толк в шутках, мадам.

— И все же... Зачем ты это делаешь? Какой на самом деле преследуешь интерес?

— Самый что ни на есть грязный! — смеется он, прислоняясь затылком к бетонной плите и глядя в небеса. — Ты красивая, с тобой интересно. И... мне везет, когда я вижу тебя.

Он обезоруживающе искренен, но паранойя только крепнет.

— Я серьезно! — не унимаюсь. Мне нужно его расколоть, со скандалом изгнать из мыслей, чтобы вечно потом презирать и чувствовать себя правильной и бдительной. — Ты поспорил с друзьями?

— У меня нет друзей, — глухо отзывается он, выдыхая вверх серебристый дым.

— Не похоже... Я видела тебя в компании ребят у ТРЦ, и выглядел ты вполне счастливым.

— А... те куны... — Он стряхивает пепел в окно и подносит сигарету к разбитым губам. — Ну, я общаюсь с ними, чтобы от тоски не съехать с катушек. Я не понимаю их, а они считают странным меня... Мир вообще странный — в нем скучно и нет никаких гарантий, что все закончится хорошо. Каждый шаг — как в пропасть. Сначала тебя нахваливают за съеденную ложечку и пятерочку по азбуке, сдувают пылинки и обещают блестящее будущее, а потом ты вырастешь,

входишь в мир... и оказываешься посреди мертвой Припяти — вокруг ничего, кроме скрюченных веток, тумана, смерти и неизвестности. Тупое окружение. Корыстные девки. Ненавистная учеба. Мелкие цели, не приводящие ни к чему... В общем, я — системная ошибка, несовместимая с операционкой.

Сказанные им слова созвучны мне до бессильной дрожи, до шока, до гула в ушах. За три десятка лет я так и не встретила человека с теми же загонами, но сегодня его каким-то чудом занесло прямиком на мой балкон. Борюсь с желанием вцепиться в него мертвой хваткой, обнять до треска костей, уткнуться носом в широкое плечо и зареветь. Но тогда он навсегда станет центром моей вселенной.

Глаза щиплет — от дыма или еще черт знает от чего. Хорошо, что их не видно в темноте.

— Я устал искать себя. И знаю, что все это время искал не там. Если у бога есть волшебный список придурков, раньше времени просравших все в жизни, на самом его верху золотом высечено мое имя.

Последняя реплика вызывает у меня горький, но искренний смех. Воистину говорят: дурак дурака видит издалека...

— Если твое имя и высечено там, то только после моего! — Тушу окурок о дно пепельницы и хохочу как больная. — Откуда ты взялся на мою голову, философ?

— Переехал две недели назад вон в те человеиники, — отвечает парень совершенно серьезно и кивает на новострой-

ки, выросшие на пустыре за дорогой. — Раньше мы жили в пригороде, а потом аварийный дом расселили, и мать выбила трешку в них. Она постоянно в разъездах, а я не знаю, куда себя деть. На старом месте было лампово, особенно в теплое время года — каждую субботу с мая по октябрь на огромной поляне у посадок собираются чуваки и разводят костер. Делятся историями, поют под гитару, запускают фейерверки и выпивают... Но теперь я вряд ли туда поеду — мать против, активно борется со сборищами «всякой нечисти» и настаивает, что надо учиться отпускать прошлое, приноравливаться к новым обстоятельствам и взрослеть.

Непохожесть, одиночество и тоска о неслучившемся, навсегда утраченном, слишком хорошо известны мне, и рассказ вызывает болезненный озноб. Мы не на равных, никогда друг друга не поймем и не станем друзьями... Но его суперспособность — выворачиваться наизнанку — делает свое дело, и меня прорывает:

— Когда-то давно я тоже любила такие мероприятия. Мне казалось, что люди, окружавшие меня в тот момент, будут рядом вечно. Я была моложе и считала, что передо мной открыты все пути, и на каждом ждет успех. А потом все словно... застопорилось. Ничто не сбылось, уже не мечтается в полную силу... Пожалуй, ты прав. Сейчас жизнь изрядно похожа на заброшенную Припять.

— Это потому, что в ней нет смысла. Нет света. Нет опоры. — Тимур снова затягивается, выдыхает и после секун-

ды мучительного молчания едва различимо шепчет: — Ты... можешь попробовать... для меня ими быть?

Губы немеют, и ужас кипятком заливается за шиворот. Что он несет?

Какой из меня смысл и свет... Как я могу посягать на самое ценное, что у него есть — время юности?..

— Я сейчас в полном ауте и туплю, ничего не соображаю — знаю только, что не хочу расставаться. Пожалуйста, скажи да. Мне... с тобой так охеренно, Май!..

Пора прекращать балаган. Взять на себя ответственность и вправить ему мозги, пока все не зашло непоправимо далеко.

— Я... н-не могу, — хриплю и втягиваю воздух сквозь сведенные челюсти. — Это мой окончательный ответ. Сейчас ты пойдешь спать, а утром захлопнешь дверь и перестанешь меня преследовать.

Тимур сжимает кулак, пару раз стучается затылком о стену, быстро встает и отщелкивает окурочек в окно.

— Вообще-то я не курю. До сегодняшнего дня даже не пробовал. Дерьмо какое-то... И ты завязывай, Май.

Отблески фар и далеких фонарей лижут темный потолок, незадернутую ночную штору поводит от сквозняка, часы с подсветкой показывают два пятнадцать ночи. Я не сплю — комкаю подушку и сворачиваю в узлы одеяло, ворочаюсь, задыхаюсь и клянусь себя. Душа разрывается, мучается, болит и

ноет, но только так — наживую, с кровью и мясом, можно уничтожить нарождающуюся проблему.

Напряженно вслушиваюсь в тишину, но ее нарушает только гул и дребезжание холодильника.

Я схлопотала дисциплинарку на работе. Потеряла все сбережения. Забыла зарядить телефон и позвонить маме. Однако самым ужасным все равно представляется предстоящий уход едва знакомого ненормального сопляка.

Тягостные, наполненные раскаянием думы засасывают сознание в воронку тревожного сна, я погружаюсь в него на несколько беспокойных секунд, но просыпаюсь от щелчка дверного замка, гулких шагов на лестнице и шумного вздоха лифта. В глаза бьет яркое солнце.

С намерением прямо в пижаме ринуться в подъезд отбрасываю одеяло, но вовремя торможу. Я все сделала правильно.

К вечеру мальчик обо мне и не вспомнит, а я... сполна рассчиталась и с судьбой, и с ним.

Плетусь на балкон, с подозрением кошусь на пустые стулья, ежась от утреннего холода, с садистским удовольствием добиваю последнюю сигарету и поднимаю глаза... Вещи Тимура — черная толстовка и футболка с надписью «Моя оборона» — мирно болтаются на веревке.

Как шикарный повод увидеться. Как шанс найти его и извиниться...

Отвешиваю себе болезненную пощечину, сдергиваю их,

прячу в недра шифоньера и запираю на два оборота ключа. Подушка и одеяло, аккуратно сложенные на кухонном диване, тоже отправляются в заточение.

Никаких следов его пребывания здесь. Никакой больше дури в голове.

Достаю из сумки сдохший телефон, подрубаю к сети, нажимаю на вызов, и он мгновенно разражается визгом — мама в ярости и устраивает разнос. Осторожно извиняюсь и вру, что из-за сверхурочной работы смогу приехать только к следующим выходным, покорно выслушиваю нотации и с облегчением отключаюсь.

Вряд ли я сдержу слово — на карте не осталось ни копейки. Аванс случится только через десять дней, а пока... Мне банально не на что жить.

После комплекса дыхательных упражнений окончательно обретаю равновесие, открываю полумертвый чат с Олегом и быстро набираю сообщение:

«Привет. Можешь занять десятку до аванса?»

«Недорыцарь» отвечает на вопрос не сразу, долго жалуется на кредиты и непредвиденные траты, мнетя и юлит, но фраза: «Приезжай ко мне. Прямо сейчас», — как обычно, действует на него магически.

Глава 12

Час спустя нервный запыхавшийся Олег сбрасывает у моего порога кроссовки, поправляет толстовку и с видом хозяина вальяжно вваливается в квартиру.

— Привет! С праздником. — Он целует меня в макушку и протягивает пакет, в котором угадываются банки с пивом и блестящие, обернутые фольгой упаковки фастфуда. — Центр перекрыт, там парад. Но ты, конечно, как всегда... Хороша внезапностью. Что случилось-то?

На душе кисло и тоскливо, от содеянного и утренних кошмаров все еще мутит.

— Не прошла мимо распродажи... — Пожимаю плечами и уже почти слышу, как Олег требует показать ему купленные обновки и критикует их, но, к счастью, объяснения пролетают мимо его ушей.

— Держи! — Он сует мне в руку деньги и ставит в тупик вопросом: — У тебя... Кто-то был?

Воровато озираюсь по сторонам, но ничего необычного не нахожу и изображаю удивление:

— С чего ты взял?.. Кто у меня мог быть, Олег?.. Сам знаешь — мама на даче.

С достоинством удаляюсь на кухню, достаю из шкафчика дежурные стаканы, и взгляд скользит по чистым, идеально расставленным тарелкам — мне не свойственен такой пер-

фекционизм. Это Тимур накануне заморочился и навел на полке порядок.

Закусываю губу и отвожу глаза.

Аккуратно прикрываю дверцу, но темный образ парня с обожанием, печалью и трепетом смотрит на меня из вчерашнего вечера. Слишком яркий, слишком искренний, слишком... «слишком» в нем все.

Слава богу, у меня хватило ума и выдержки. Слава богу, он без скандала ушел.

Олег уже разместился в гостиной, включил телик и с ногами забрался на незаправленный диван — наглость в его исполнении отчего-то до зубовного скрежета бесит, но я не подаю вида и, отодвинув скомканное одеяло, падаю рядом.

— Хорошо повеселились вчера?

— Перепили. — Он морщит лоб и сокрушенно мотает головой. — Сначала «Метелица», потом караоке... Натали набухалась в дрова — вот уж кто показывает хреновый пример коллективу... Я несколько раз порывался кинуть всех и приехать к тебе, но не вышло. В общем, Майка, ты ничего не потеряла.

— Да, все к лучшему, — вздыхаю, расставляя на журнальном столике пивные банки и разворачивая шуршащие обертки. Хорошо, что Олег не в курсе, что вчера я потеряла гребаную кучу денег и на одну короткую ночь приобрела почти осязаемое понимание и родство душ.

— Ты правильно сделала, что позвонила пораньше. Пред-

ложил тебе пообщаться после салюта, а потом вспомнил — у меня же дела! — Его светлые брови складываются домиком, на лбу выступает скорбная жилка. — Еще на той неделе обещал корешу подъехать и разобраться с проблемами, и представляешь — запамятовал!

Топорная ложь не трогает — я ничего от него не жду и даже чувствую облегчение — скоро он свалит, а я посвящу себе остаток дня.

Он поддевает ногтем алюминиевые кольца, разливает холодное шипящее пиво по стаканам и протягивает один мне — забираю его и залпом ополовиниваю. Пью еще и еще, но Тимур не выходит из головы и из сердца — где-то под ребрами, как от ожога, дергает и болит.

Неестественно громко смеюсь над дурацкими шутками Олега, внимательно слушаю его рассказы, всматриваюсь в водянистые, обрамленные белесыми ресницами глаза, и стараюсь подмечать только хорошее — недостатки давно знаю наизусть.

«Недорыцарь» — мой ровесник, однако выглядит моложе паспортного возраста и, что немаловажно, никогда не был женат. У него собственное жилье в центре — по слухам, довольно просторное. Он хорошо одевается, может поддержать любую беседу и слывет душой компании. Склонен к полноте, но посещает тренажерный зал и худо-бедно блюдет фигуру. Он — мой непосредственный начальник и единственный мужчина, проявляющий интерес. Только из-за моей хо-

лодности и аморфности он не предпринимает решительных шагов — так говорит мама.

Да, пусть Олег неплох.

Но меня раздражает его прижимистость, любовь к сплетням, паскудный характер и вечно назидательный тон. Идиотский смех, чавканье, запах воняющего мускусом парфюма, громкое сопение, привычка трахаться при свете и сальными глазками рассматривать мое тело, вызывая желание прикрыться и послать его на хер.

Снова глушу пиво, но легче не становится — засевшая в солнечном сплетении тоска по другому человеку подтачивает, как червь, а ощущение неправильности происходящего вызывает легкую дурноту.

— Я соскучился... — Олег отставляет стакан, вытирает ладонью губы и подается ко мне. — Подожди до аудита, ладно? Я ее спихну, а потом мы всем все расскажем. Она тебя больше не достанет, а остальные пусть сколько угодно чешут языки!

Он ободряюще улыбается, опускает на плечи тяжелые руки и присасывается ко мне. Целоваться «недорыцарь» тоже не умеет — делает это незаинтересованно и судорожно, от него несет перегаром и сигаретами, но я закрываю глаза и откидываюсь на подушки. Потная возня, которую он пафосно называет «занятием любовью», давно не увлекает и не захватывает — лишь создает временную иллюзию отношений, нужности, устроенности, тепла...

Как нарочно, хмельная анестезия не дает необходимой расслабленности и не притупляет чувство протеста — хочется его оттолкнуть, вдарить коленом между ног и одеться, но он переходит к действиям, и за опущенными шторками век вдруг начинается совсем другое кино. По пояс раздетый Тимур придавливает меня к дивану и пускает в ход идеальное тело, красивые руки и разбитые губы... Это они сейчас глядят бедра и оставляют на шее цепочку поцелуев. Это он сейчас сверху, а меня... сносит обжигающая волна.

Сознание проясняется, по щекам текут слезы, в висках стучит... Сквозь мутную пелену проступает удивленное и гордое лицо Олега.

— Ого. Такого, по-моему, еще никогда не было!..

Выворачиваюсь из-под его тяжести и быстро прикрываюсь одеялом. Стираю слезы, но они продолжают жечь глаза.

Олег приподнимается на локте, самодовольно разглядывает меня и душно шепчет в ухо:

— Ну что ты... Может, нам просто почаще видеться? Я смогу приезжать... Майка, что именно мне нужно делать в следующий раз, чтобы...

— Все и так хорошо! — Выдавливая улыбку, отвечаю на мокрый скользкий поцелуй и напоминаю: — Тебе, кажется, нужно ехать? Встретимся завтра в офисе. И... Спасибо, что выручил.

За Олегом щелкает замок, а я впадаю в тихую истерику.

Как обычно, он не был на высоте, но я...

Судорожно размазывая по коже гель для душа, до посинения стою под холодными струями, потом быстро прибираюсь в комнате, безучастно пялюсь в экран телевизора и глотаю черный кофе. Часто моргаю и задыхаюсь от стыда.

Причина не в подвижках в наших отношениях — она в другом. Только что я переспала не с Олегом, а с...

Звучно бью себя по лбу, натягиваю серые спортивные штаны, худи и кеды, собираю влажные волосы в хвост, комкаю в кулаке принесенные им бумажки и вываливаюсь в подъезд.

Май мгновенно подхватывает под локти и в вихре белых лепестков и звуков военных песен несет по улицам — на фонарных столбах полощутся флаги, золотое солнце в акварельном небе сияет во всю мощь. Чистый дофамин бежит по венам, жизнь не так уж плоха — так или иначе, я могу робко заглядывать в будущее.

Олег впервые разглядел во мне женщину, и проблема несовместимости с ним решается — если прибегать к уловкам, о которых он никогда не заподозрит. Только вот надолго ли меня хватит — большой вопрос.

Супермаркет на углу гостеприимно распахивает стеклянные двери — медленно брожу между стеллажами и доверху набиваю тележку раменом, мороженым, пончиками, фруктами, вином и шоколадом — покупаю все, кроме сигарет. Не потому, что оскорбленный в лучших чувствах мальчик по-

просил завязать. А потому, что Олегу теперь придется изыскивать другие пути, чтобы тайком распускать на работе руки.

Подключаю к телевизору ноут и на много часов погружаюсь в мир новой корейской дорамы с невозможно красивыми, перехватывающими дух актерами, отношениями и пейзажами. Стойко борюсь с желанием закурить и заплакать — слишком уж действо, развернувшееся на плоском экране, напоминает сон наяву, закрутивший меня.

Герои влюблены, но не равны, и делают, что должно, — жертвуют чувствами во благо друг друга, продолжая жить и с гордо расправленными плечами идти вперед.

На город опускаются синие сумерки. Ставлю сериал на паузу, набираю маме и, узнав массу подробностей о нерадивых соседях по даче, докладываю о прошедшем дне.

— Да, мам, приходил Олег. Немного отметили праздник...

Врать стало комфортной привычкой, ведь полумифический Олег — первый мой парень, устраивающий ее по всем параметрам. Душевно поздравляем друг друга с Днем Победы, отключаемся, и к горлу тут же подступает удушающая тоска.

Можно поехать в центр и, встав поодаль от дружных шумных компаний, полюбоваться брызгами праздничного фейерверка, потом завалиться в паб и в одиночестве пропустить пару рюмок. Если повезет — отшить подвыпившего кавале-

ра и с приподнятой чуть выше плинтуса самооценкой на переполненном автобусе вернуться.

И сгинуть без вести в тишине и мраке пустой квартиры...

Звонок в дверь раздается настолько неожиданно, что я подпрыгиваю и раздражаюсь матом. Крадусь в прихожую, щелкаю выключателем и, щурясь от яркого света, раскрываю дверь на длину цепочки. В подъезде стоит Тимур и выжидающе смотрит на меня.

— Что ты здесь забыл?! — Покачнувшись, хватаюсь за угол и вспыхиваю от стыда. Он улыбается.

— Привет, Май. Открой, плиз. Через порог не передают...
— Трясущимися пальцами справляюсь с крючком и освобождаю путь, он проходит в прихожую и протягивает мне две оранжевые банкноты. — Вот, как и обещал — первый взнос в счет долга. Не бойся, они не криминальные. Бери, хватит на меня пялиться!

Глава 13

Сердце сладко сжимается, в голове гудит, за его широкими плечами в полутьме лестничной клетки кружится космос...

Несколько часов назад этот герой исполнял главную роль в моих эротических фантазиях — чувства сбоят, уверенность, что я переспала именно с ним, все еще мечется на заворках сознания и заливают душу кипятком.

Где-то на верхних этажах ревет перфоратор, и я прихожу в себя — отмираю и собираюсь спорить, но Тимур просто засовывает деньги в мой карман и примирительно вскидывает ладони.

— Я же сказал — буду отдавать частями. До тех пор пока не скажешь: хватит. Это из личных накоплений. Плюс подрабатываю неполный день, когда заканчиваются пары в шараге. Май, можно войти? — Последнее слово он произносит с томным придыханием, и я протестую:

— Зачем? Мы выяснили все еще вчера!

— Крайне необходимо поговорить с тобой, Май. Вопрос жизни и смерти. Моей.

Не дожидаясь приглашения, Тимур наклоняется, снимает кеды и аккуратно устраивает на полочку. На его скуле темнеет синяк, ссадина на губе превратилась в полоску, но дольше любоваться его красивым лицом не позволяют правила

приличия — семеню за ним в гостиную, и он, усиливая наваждение, садится на тот же угол дивана, что и вчера.

Почти видимое электричество искрит в воздухе, волосы на руках встают дыбом.

— Говори! У тебя пять минут. — Останавливаюсь напротив и скрещиваю руки на груди, но, судя по его реакции, за моим плечом происходит что-то гораздо более захватывающее.

— О, халлю... — Он с интересом пялится в экран телевизора. — Ценю корейцев. Во-первых, в их сериалах нет ни одной нашей опостылевшей злобной рожи, а во-вторых... как натурально играют в любовь!.. Если ты взглянешь на меня так же, Май, я, наверное, тут же умру. От счастья.

— Ты намерен каждый день таскаться сюда, чтобы издеваться и нести чушь?! — перебиваю, Тимур срезает меня болезненным усталым взглядом, и сквозь позерство отчетливо проступает отчаяние.

— Сядь. Смени тон и выслушай. — Он легонько хлопает ладонью рядом с собой, а я прикусываю язык. С переменным успехом изображая взрослую тетку в стремлении отбрить и поставить его на место, я частенько забываю, что он личность. Возможно, намного более цельная и глубокая, чем я.

— Хорошо... — Опускаюсь на противоположный угол — чем дальше, тем безопаснее, и он вперяет в меня дурные глаза. Теперь в них плещется океан безмятежности.

— То, о чем ты вчера попросила... В общем... Я не смо-

гу так, Май. Теперь уже точно не смогу. Или смирись, или сдай ментам. Если без твоего разрешения распущу грабли, буду самым мерзким уродом на земле, и ты смачно плюнешь мне в морду. Но после вчерашнего ты больше не можешь говорить, что мы разные... — Он подается ближе, пристально рассматривает меня, считывает мой ужас и тихо шепчет: — Окей... Но дружить-то мы можем? К этому никаких препятствий нет?

Черный взгляд пробирается в душу и сердце, в мысли и в похолодевшую кровь. Этого мальчика послал мне явно не бог... Нельзя пасовать перед его обжигающей красотой, кто-то должен быть мудрым.

— Тимур. Это будет о-о-очень странная дружба. Понимаешь? Думаешь, мы найдем общие интересы?

— Как минимум один мы уже нашли. — Он кивает на застывшие кадры дорамы. — Включай. Там сейчас будет самый замес.

Как нарочно, герои на экране воспроизводят мои собственные метания, страдают и мучаются, а еще — жарко целуются, а я слишком громко вздыхаю и шумно глотаю слюну.

Атмосфера наэлектризована до предела, щеки пылают, но яркие вспышки в черном небе за окном наконец дают повод отделаться от чудовищной неловкости.

Поспешно поднимаюсь, открываю балкон и выхожу в майскую ночь — над темными крышами и кронами деревьев

рассыпаются разноцветные огоньки праздничного фейерверка. Не нужно смотреть вправо, чтобы убедиться — Тимур бесшумно встает рядом. Мутные облака озаряются красным, желтым и фиолетовым заревом, испуганные птицы улетають прочь, от грохота канонады дребезжат стекла. Задев меня плечом, Тимур небрежным жестом убирает волосы со лба, возвращает руку на подоконник и невесомо, не касаясь кожи, проводит пальцем над моим запястьем... Снова и снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.